

Иконников Владимир Степанович

**Август Людвиг Шлецер 1809-1909
ГГ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Степанович И.**
Август Людвиг Шлецер 1809-1909 гг / Иконников Владимир Степанович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 75 с.

ISBN 978-5-519-86930-0

ISBN 978-5-519-86930-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

зное (Шлоссертъ). Шлецеръ остался навсегда признательнымъ ученикомъ своей *almae matris* такъ что у него сложилось убѣжденіе, ставшее его девизомъ: „extra Gottingam vivere, non est vivere“. Геттингенскій унив-тъ во многомъ обязанъ былъ процвѣтущимъ состояніемъ своему куратору, ганновер. министру Герлаху Адольфу Мюнхгаузену, потому въ то-же время сложилось у Шлецера другое мнѣніе, что Геттингенъ, геттингенская бібліотека и Мюнхгаузенъ доставляли такія удобства для занятій, какихъ не найти нигдѣ на свѣтѣ. Шлецеръ на всю жизнь запомнилъ правоученіе, которое отецъ давалъ сыну; „учись всему, къ чему предстанетъ тебѣ случай; считай каждую мысль, которую ты можешь усвоить, каждое искусство, которымъ ты можешь овладѣть, за чистыя деньги. Талеръ, полученный тобою, не приноситъ тебѣ никакой пользы въ ту же минуту; но этотъ талеръ—деньги, и какъ деньги доставить тебѣ истинное наслажденіе, хотя ты не знаешь, когда, гдѣ и какъ“. И онъ дѣйствительно не пренебрегалъ никакимъ знаніемъ. Въ Геттингенѣ онъ слушалъ Мосгейма, Пюттера, Ахенвала, Бюттиера и знаменитаго въ свое время оріенталиста и критика въ области библейскихъ древностей Михаэлиса ¹⁾, и настолько освоился съ арабскимъ языкомъ, что въ состояніи былъ временно замѣщать своего вѣстаника. Вліянію послѣдняго онъ подчинился всецѣло, а онъ считалъ Шлецера „всеобщимъ гениемъ какъ бы рожденнымъ для воспріятія учености“. Отъ сихъ поръ любимой мечтой Шлецера было путешествіе на библейскій Востокъ. По этому поводу онъ перечиталъ необходимыя путешествія по Востоку и продолжалъ усердно изучать еврейскій и арабскій языки. Изъ-за этой мечты онъ принималъ различныя предложенія: мѣсто

¹⁾ Михаэлисъ внесъ въ изученіе библейскихъ древностей историческую критику и очистилъ ихъ отъ іудейскихъ понятій.

домашняго учителя въ Стокгольмѣ (1755—1756), въ домѣ пастора нѣмецкой общины (Муррея), откуда посѣтилъ Упсалу (зимой 1756—57), гдѣ познакомился съ извѣстнымъ Ире и другими учеными и занялся изученіемъ исландскаго и отчасти польскаго языковъ и готскаго Евангелія Ульфины. По возвращеніи въ Стокгольмъ онъ принимается за корреспонденціи для гамбургской газеты, служить въ конторѣ купца Зееле, для чего изучаетъ итальянскую бухгалтерію съ цеховымъ уставомъ и, по его предложенію, издаетъ „опытъ всеобщей исторіи мореплаванія и торговли“ (Стокг. 1758) на шведскомъ языкѣ, переведен. на нѣмец. яз. Гадебушемъ (Ростокъ 1766)—и все это дѣлалось съ цѣлью собрать деньги для путешествія на Востокъ, притомъ независимо ни отъ публики, ни отъ какого-либо двора, чтобы не пускаться въ простран- ный свѣтъ на удалую. Пребываніе въ Швеціи имѣло и другой результатъ для Шлецера. Здѣсь, подъ вліяніемъ дѣятельности шведскаго сейма и предпріятія гр. Браге и его сообщниковъ, обезглавленныхъ послѣ задуманнаго переворота (1756 г.), онъ почувствовалъ склонность къ занятіямъ статистикой, политикой и сѣверной исторіей. Посредствомъ же переводовъ и одного журнала онъ сталъ знакомить нѣмецкую публику съ шведской литературой, тогда еще мало извѣстной. Въ связи съ планомъ путешествія на Востокъ, по возвращеніи въ Геттингенъ (1759—61), Шлецеръ изучаетъ медицину („медицинскій курсъ я могъ одолѣть въ одинъ годъ и съ честью получить ученую степень за диссерт. „De rabulo vitae“) и естественныя науки, слушаетъ лекціи по философской ботаникѣ у Бюттнера, отличной отъ Линнеевской—терминологической, господствовавшей въ Швеціи. По приглашенію одного издателя онъ принялся за составленіе *Nierozoikon'a*, трудъ значительно исправлявшій и дополнявшій соч. Бохарта о животныхъ, упоминаемыхъ въ св. писаніи, множествомъ филологическихъ замѣчаній и

особенно естественно-историческихъ наблюденій. Наставники Шлецера, разныхъ спеціальностей (Михаэлисъ, Бюттверъ, Редереръ—медикъ), предсказывали ему счастливую будущность (сарту бопае зреі).

Такимъ образомъ Шлецеръ могъ похвастаться впоследствии, что въ роли „старого студента“ (27 лѣтъ) онъ былъ избалованъ такими наставниками, какъ Ливней и Варгентинъ въ Швеціи, Михаэлисъ, Редереръ, Пюттеръ, Ахнваль, Кёстнеръ, Бюттверъ—въ Геттингенѣ. Мать хотѣла чтобы онъ былъ пасторомъ, но онъ вѣрилъ въ другое, высшее призваніе. Однако, въ то время, какъ его мечты должны были искорѣ осуществиться (для путешествія у него былъ припасенъ капиталъ), черезъ Вюшнга и Михаэлиса къ нему пришло приглашеніе отъ Г. Ф. Миллера ѣхать въ Петербургъ домашнимъ учителемъ, съ обѣщаніемъ пристроить его потомъ при Академіи наукъ. Уже тутъ онъ самъ выказался заниматься и „русской исторіей не только нѣсколько лѣтъ до путешествія, но обѣщалъ вполне посвятить себя ей“ по возвращеніи, въ надеждѣ, что въ Россіи легко представится случай осуществить свой „апокалипсисъ“, т. е. путешествіе въ Аравію—планъ, который онъ не оставлялъ до окончательнаго перехода на службу въ Петербургскую академію наукъ.

И въ этомъ случаѣ онъ не измѣнилъ себѣ. Передъ отъѣздомъ въ Россію, онъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ усиленно изучалъ страву, не такъ, какъ тѣ изъ вѣмецкихъ студентовъ, которые невзвѣные бѣжали въ Россію, составляя вообще германскій измѣтъ, по выраженію Шлецера, т. е. вовсе не пригодные для дѣла. „Ѣхать, ѣхать въ Россію, а тамъ, если Богу угодно, въ Аравію, даже въ Персію и Индію и т. д.—Ѣхать!“ рѣшилъ онъ.

Морскія путешествія въ то время составляли тяжелое и опасное предпріятіе. „Изъ шести моихъ морскихъ путе-

шествѣй, замѣчаетъ Шлецеръ, это третье, было самое фатальное. Я даже сомнѣваюсь, чтобы изъ ста рейсовъ, совершаемыхъ ежегодно между Любекомъ и Петербургомъ, хоть одинъ былъ сопряженъ со столькими трудностями, опасностями и приключеніями". Пять разъ корабль выходилъ въ море и, послѣдствіе бурь и венастья, долженъ былъ возвращаться обратно. Но это обстоятельство еще усложнялось крайней грубостью капитана, тѣснотой помѣщенія и голодомъ, какимъ онъ морилъ своихъ пассажировъ, по своей неимовѣрной скарעדности. Путешествіе продолжалось 7 недѣль, такъ что по необходимости Шлецеръ сталъ курить. Но больше всего жалѣлъ Шлецеръ объ уtratѣ маленькой люнебургской нѣмецкой библіи, которой онъ потомъ никогда не встрѣчалъ. Въ продолженіе полугода, замѣчаетъ онъ, при видѣ корабля, мной овладѣвалъ страхъ и ужасъ; но впослѣдствіи эта водобоязнь утихла, хотя онъ никогда не падалъ духомъ. Впослѣдствіи же онъ смотрѣлъ на это злополучное путешествіе какъ на одно изъ поучительнѣйшихъ событій въ своей жизни. „Съ этого времени я лучше сталъ понимать поэтовъ, описывающихъ съ натуры и по собственному опыту бури и другія опасности на морѣ (какъ Виргилій въ Энеидѣ). Авторамъ, описывающихъ подобные предметы, я читаю съ бѣльшимъ чувствомъ, а слѣдовательно и съ бѣльшимъ удовольствіемъ: то, что они рассказываютъ, представляется мнѣ совершенно ясно... Я научился цѣнить и уважать человѣческую силу (видѣвъ самъ дѣйствія экипажа)... Съ тѣхъ поръ выраженіе: „этотъ человѣкъ сносливъ какъ лошадь“, стало казаться мнѣ неимѣющимъ смысла; наоборотъ: желалъ похвалить лошадь, слѣдовало бы сказать: „она снослива, какъ человѣкъ“. Но вотъ еще важнѣйшее, по крайней мѣрѣ для меня: во время этого путешествія я началъ изучать очень полезное искусство „осваиваться со смертью"... Браунъ (Brown) правъ: счастливѣйшій чело-

вѣкъ не можетъ исполнѣ наслаждаться жизнью, если ему, какъ Людовику XI, мысль о смерти невыносима. Какъ тягостенъ для себя и для другихъ человѣкъ, котырый изъ заботливости о своей жизни слѣдитъ за каждымъ измѣненіемъ въ своемъ тѣлѣ и боязливо наблюдаетъ ихъ—считаетъ удары пульса и словно ведетъ протоколъ часамъ сна и другимъ отправлениямъ! Счастливъ онъ, когда научился мало цѣнить бѣдную человѣческую жизнь, *quam totus homuncio nil est*.

Шлецеръ предостерегаетъ молодыхъ людей, оставившихъ родину или родительскій домъ, не поддаваться первымъ впечатлѣніямъ, производимымъ на нихъ новой страной... До того его взглядъ будетъ ошибоченъ даже до смѣшного. Опытъ, пріобрѣтенный имъ въ многочисленныхъ странствованіяхъ, привелъ его къ такому выводу. Домъ Миллера—профессора, исторіографа и секретаря Академіи наукъ, отличался достаткомъ и однако онъ не имѣлъ долговъ, что и тогда, до появленія бумажныхъ денегъ, было рѣдкостью въ этомъ классѣ людей въ Петербургѣ. Миллеру было тогда 56 лѣтъ; онъ былъ картинно красивъ, поражалъ высокимъ ростомъ и силой,—это выгнало его изъ родины прусской Вестфалии, гдѣ онъ подвергался вѣчнымъ преслѣдованіямъ прусскихъ вербовщиковъ. Онъ могъ быть презытайно веселъ, нападалъ на остроумныя, причудливыя мысли и давалъ колкіе отвѣты; изъ маленькихъ глазъ его выглядывалъ сѣпиръ. Въ его образѣ мыслей было что-то великое, правдивое, благородное. Онъ былъ глубокой патріотъ и хотя былъ хорошо освѣдомленъ въ недостаткахъ современнаго правительства въ Россіи, былъ очень сдержанъ въ словахъ. На литературномъ поприщѣ онъ былъ тоже, что фельдмаршалъ Минихъ на военномъ, и его также мало опѣшили. Въ его характерѣ былъ одинъ недостатокъ—это вспыльчивость, которая давала себѣ чувствовать и въ отношеніи высшихъ, и въ отношеніи низшихъ. Но Шлецеръ

хвалится, что относительно его онъ не обнаруживалъ этого, не смотря на множество столкновеній, и заявляетъ, что заслужилъ то не рабскою уступчивостью, но основательностью и скромностью противорѣчій и если бы онъ, прибавляетъ Шлецеръ, сошелся со мною только въ одномъ пунктѣ—въ страсти къ путешествіямъ, я бы охотно прожилъ съ нимъ полжизни и, и кто знаетъ, можетъ быть я сдѣлался бы его зятемъ. Онъ отличался необычайной добротой: въ домѣ его толпилось много челяди разныхъ національностей и языковъ и нѣмецкихъ студентовъ, по нѣсколько мѣсяцевъ проживавшихъ у него на всемъ готовомъ, пока онъ не успѣвалъ ихъ куда нибудь пристроить. Эти „дураки“, говоритъ Шлецеръ, представляли себѣ, что вигдѣ вельая легче составить карьеру, какъ въ Россіи; многимъ изъ нихъ мерещился тотъ выгнанный изъ Іены студентъ богословія (Остерманъ), который впоследствии сдѣлался русскимъ государственнымъ канцлеромъ. Миллеръ чувствовалъ, что онъ на цѣлыя 30 лѣтъ отсталъ отъ нѣмецкой литературы. Въ немъ сохранилось только глубокое уваженіе ко всему, что называлось литературой; Шлецеръ же вышелъ изъ одного изъ главныхъ источниковъ ея—Геттингена; во вторыхъ, Миллеръ занимался древней русской исторіей, связанной съ сѣвероскандинавской, но онъ не зналъ пошведски и мало былъ знакомъ съ шведской литературой, и тутъ опять онъ былъ радъ узнать отъ Шлецера самыя живыя новости; но вскорѣ Миллеръ могъ оцѣнить и еще одну черту въ Шлецерѣ—это его необычайную любовь къ труду, равную его собственной, и ту легкость, съ которой онъ, Шлецеръ, учился русскому языку, благодаря знанію многихъ другихъ. Въ то время Академія была выполнена почти одними иностранцами, изъ которыхъ, кромѣ Миллера, никто не зналъ порусски. Я пошелъ въ Петербургъ, замѣчаетъ Шлецеръ, множество друзей различныхъ націй, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя

семейства, проживавшія тамъ двадцать и болѣе лѣтъ, которыя или не знали и пятидесяти русскихъ словъ, или хотя и научились говорить съ прислугою, но не могли прочесть печатной строки, а тѣмъ болѣе писать. Одна боязнь трудности языка оставалась имъ. Даже великій знатокъ языковъ, Байеръ, котораго не испугалъ и китайскій языкъ, занимаясь древнѣйшей русской исторіей, въ двѣнадцать лѣтъ своего пребыванія въ Академіи (1726—38) не научился по-русски ¹⁾.

Иное дѣло такой энтузіастъ какъ Шлецеръ. Онъ горѣлъ желаніемъ узнать новую страну. Мы знаемъ, что еще за границей онъ ознакомился съ Россіей по сочиненіямъ. „Итакъ я зналъ, чего я *не зналъ*, и *умѣлъ* спрашивать—*особенное искусство*, прибавляетъ онъ, чѣмъ давалъ Миллеру поводъ изливать во всѣхъ нашихъ разговорахъ свое неисчерпаемое богатство свѣдѣній о Россіи. Онъ этому радовался, а я удивлялся“; такъ что когда Шлецеръ напоминалъ однажды о необходимости приступить къ занятіямъ съ его сыномъ, то Миллеръ сказалъ: „Вы для этого слишкомъ хороши“, такъ сказалъ человѣкъ, у котораго колкости говорились легче, чѣмъ любезности, замѣчаетъ Шлецеръ. Первые бесѣды, ихъ сосредоточивались на географіи и статистикѣ Россіи. Свѣдѣнія и матеріалы Миллера приводили Шлецера въ истинное удивленіе. Часто, когда за чаемъ или за столомъ шелъ разговоръ о Бухарин, о ловлѣ бѣлуги, объ Амурѣ, о горномъ промыслѣ, онъ велъ меня къ себѣ на верхъ, въ свой кабинетъ ²⁾, вытаскивалъ одно за другимъ—тетрадь, свитокъ, квартантъ, все еще въ видѣ рукописей, отчасти русскихъ, отчасти нѣмецкихъ, и давалъ ихъ мнѣ

¹⁾ Ср. Пикаревскій, Ист. Акад. наукъ, I, 190; ср. xxvi.

²⁾ Миллеръ имѣлъ собственный домъ на Васильевскомъ остр., въ 13-й линіи.

перелистывать. „Тутъ работа для васъ, для меня и для десятирѣхъ другихъ на всю жизнь“, сказалъ онъ мнѣ однажды, указывая на цѣлую стѣну, заваленную такими сокровищами. Безъ сомнѣнія это были знаменитые портфели Миллера, хранящіеся вѣнѣ частью въ Ак. наукъ, а частью въ Моск. архивѣ Мин. ин. дѣлъ,—плодъ его многолѣтнихъ занятій въ Россіи и продолжительной экспедиціи въ Сибири, гдѣ нашлись такіе документы, которые давно были утеряны или сгорѣли въ другихъ мѣстахъ ¹⁾. „Итакъ, съ горечью, говоритъ Шлецеръ, я, бѣдный Тавталъ, могъ только перелистывать и изумляться. Когда я въ восхищеніи дѣлая видъ, что желаю увести рукопись къ себѣ въ комнату, онъ (Миллеръ) нѣжно вынималъ ее изъ моихъ рукъ, лѣзъ на свою лѣсенку и пряталъ ее въ папку. Если я просилъ настоятельно, то обыкновенно говорилось: „не горячитесь, еще будетъ время, не надо слишкомъ торопиться. Я же торопился, прибавляетъ Шлецеръ“. Въ теченіе 7 мѣсяцевъ пребыванія послѣдняго въ домѣ Миллера, онъ получилъ въ свое распоряженіе только четыре рукописи, и то на латинскомъ и франц. языкахъ, а, увидѣвъ однажды, что Шлецеръ списываетъ съ нихъ, Миллеръ воскликнулъ: „Боже мой, вѣдь вы все переписываете!“ что было тогда не безопасно ²⁾.

Понятно, что при такихъ задаткахъ въ познаніяхъ и энтузіазмѣ, Шлецеръ не убоился изученія русскаго языка и принялся за него на первыхъ же порахъ. „Вообще, при этомъ мнѣ принесли большую пользу мои предыдущія за-

¹⁾ Портфели Г. Ф. Миллера. Свидѣнія о поступленіи ихъ въ Архивъ и опис. 3-хъ портфелей, Кн. П. В. Голицына (Сборн. М. гл. арх. Мин. ин. дѣлъ, VI, 401—550); С. Соловьевъ, Ф. Г. Миллеръ (Современ. 1854, т. XLVII, 147—148); Пискаревскій, Ист. Ак. II, I, 399—408.

²⁾ Ср. Пискаревскій, I, XLVI.

вѣтія языками“, говоритъ онъ. „Чѣмъ больше количество языковъ знаешь, тѣмъ легче изучаются другіе: ихъ особенности болѣе не поражаютъ, потому что вы ихъ уже гдѣ нибудь встрѣчали“. „Первыя сто тысячъ, сказалъ какой-то милліонеръ, мнѣ съ трудомъ достались, со слѣдующими 900000 шло уже легче. Русскій языкъ, замѣчаетъ онъ, казался мнѣ труднѣе всѣхъ, которые я до тѣхъ поръ изучалъ; однако въ короткое время я преодолѣлъ главныя его трудности... только въ такой мѣрѣ, чтобы понимать, но не писать, а тѣмъ менѣе говорить на немъ“. Онъ пользовался разными алфавитами для изученія славянскаго и русскаго и своей новой методой, *методой корней*, по его выраженію, образцы которой имъ приложены къ грамматикѣ. „Составитель славянскаго алфавита, говоритъ Шлецеръ, обнаружилъ болѣе гениальности, чѣмъ изобрѣтатель нѣмецкаго: онъ заимствовалъ у евреевъ ихъ *ш*—шенъ (шинъ) простого звука которой нѣтъ у грековъ, почему нѣтъ и буквы. Съ 11 лѣтъ я учился еврейскому языку и послѣдствіе того набилъ себѣ голову коренными словами... У многихъ и угадывалъ соединительный дувекъ или основное значеніе и съ тѣхъ поръ во всѣхъ языкахъ охотился за корнями“. Затѣмъ онъ обращалъ вниманіе на приставки, окончанія словъ и пр. „Всему этому, мнѣ скажутъ учить разумъ человѣческій; но учить-ли этому всякій учитель языка? Итакъ я, преодолевъ русскій языкъ, увидѣлъ, что въ то же время и узналъ четыре-пять другихъ языковъ или по крайней мѣрѣ въ 4 недѣли могъ узнать“. Эти его занятія тѣмъ болѣе заслуживаютъ удивленія, что онъ не могъ найти учителя русскаго языка, что, не смотря на 37-лѣтнее существованіе Академіи, она не надала необходимыхъ пособій, словарей и т. п., такъ что онъ пользовался нѣмецко-латино-русскимъ словаремъ Вейсмана—1731 г., древне-славянскою грамматикою 1732 г. и Cellarius'омъ въ русской обработкѣ (рус. грам.

Ломоносова онъ не могъ пользоваться, какъ нѣмецъ), а для чтенія на рус. языкѣ—такой тяжеловѣсной книгой, какъ ученое описаніе Камчатки Крашенинникова, и настолько вошелъ въ это дѣло, что уже могъ обозвать „болваномъ“ англ. переводчика ея за непониманіе текста и дурной переводъ. Онъ сердился, что съ него будетъ сдѣлано плохое нѣмецкое изданіе. Миллеръ не могъ ему объяснить „этого ли“ (напомнилъ бы онъ мнѣ только о *cunque, libet, vis* въ *quicunque, quidvis*). Но тотчасъ уже дѣло пошло на ладъ. На четвертую недѣлю Миллеръ уже рассказывалъ о настоящемъ prodigio, а д-ръ Эвсъ спрашивалъ Миллера не imbecille-ли Шлецеръ, у котораго вѣроятво вовсе нѣтъ *judicio*, потому что у него такая чудовищная *metopia*. „Чѣмъ далѣе я уходилъ въ Камчатку, тѣмъ болѣе умножались вопросы. Для техническихъ выраженій Миллеръ былъ живымъ лексикономъ“. Относительно же „рыбъ“ для Шлецера служила авторитетомъ квартирная хозяйка, обыкновенно объяснявшая ему этотъ товаръ въ ватурѣ. Такъ составились его „рыбныя тетради“. И методъ этотъ онъ называлъ геттингевскимъ, въ отличіе отъ легкомысленнаго французскаго, господствовавшего въ Петербургѣ. Послѣ этого Миллеръ вручилъ ему рукопись *in folio* (въ 781 листъ)—это былъ русскій словарь (по корнямъ) съ латинскимъ значеніемъ, чрезвычайно полный и въ отношеніи естественно-историческихъ и техническихъ выраженій. Авторомъ его былъ Кириакъ Кондратовичъ, человѣкъ не ученый, но онъ зналъ поматыви, а кто умѣлъ скловять *тепза*, тотъ уже считался тогда въ Петербургѣ ученымъ, замѣчаетъ Шлецеръ. Какъ я обрадовался этой находкѣ, восклицаетъ онъ. Онъ принялся съ увлеченіемъ за новую работу и въ теченіе 2½ лѣтъ переработалъ для себя, по своей системѣ, весь словарь, который въ теченіе 36 лѣтъ постоянно пополнялся этимологическими замѣчаніями, дополненіями, сравненіями и т. п., и который онъ признаетъ